

ленна при солнце ½ а особою светла знакъ ½ китайской службы. ½ Глава ея к северу а хвост к востоку» (л. 85).

Исследуемый памятник состоит из двух значительных частей, идущих параллельно и соответствующих обширному замыслу автора: на развернутом листе книги запись представлена двупланово: с правой стороны большинства страниц подробное описание астрономического явления, увиденного автором; с левой стороны – графический рисунок с частичным комментарием увиденного (расположения звёзд и планет солнечной системы; траектории падения метеорита; фрагмента картины солнечного затмения и т. д.). Такое изложение материала очень удобно: оно наглядно, достоверно и убедительно констатирует увиденные автором в ночном небе картины: писец – человек достаточно грамотный. Красивым, в основном четким почерком он старательно, практически без ошибок записывал увиденное. Откуда же он мог появиться в начале века в российской глубинке? Был ли пытливый наблюдатель канцеляристом (монахом) родом из Москвы, Малороссии или хорошо обученным местным писцом, остается для нас загадкой.

«Запись астрономических явлений» принадлежит к оригинальному жанру старорусской письменности, смежному по форме изложения материала с записными, окладными и переписными книгами, дневниками, которые фиксировали происходившие в стране и городе события. В памятнике представлен лексический материал, разнообразный по происхождению и семантическому объему. Мы видим, что еще в глубокой древности люди без телескопов стремились постичь небесные просторы, узнать тайны других миров и свои наблюдения изложить на бумаге доступным, ясным языком.

Назовем основные текстологические и жанровые особенности источника. Весь текст поделен на абзацы, каждый абзац начинается на новой странице с красной строки и содержит информацию о новом явлении. Абзацы не озаглавлены, но имеют зачин, с которого обычно начинается фрагмент дневниковых записей. Каждое новое небесное явление датируется: указывается число и время описываемого факта. Поэтому абзацы стандартны в своем начале: «Лѣта 725 ноября в 15 число½ в тоболску явилося знамение сіе на небеси во 2 часу нощи ½ и стояло до 3 часа до последней четверти ½ а въ 4 часу в 1 четверте скрылося ½ и ста в первомъ существе яко же вбычай прибытій ½ ближняго столника Андрея феодоровича ½ Нарышкина писано по его веленію» (л. 118). В зачин входили следующие составляющие: указание на день и год события, максимально точное время и место описываемого: «Лѣта 1738 году декабря, 4 день½ было знаменіе в нощи в третій часъ ½ над болшимъ домомъ явился столб а посреде его звезда ½ а от него видящее два меча внизъ ½ концами над домомъ и виденіе было пять часов ½ и только» (л. 132).

Таким образом, предназначенный для широких кругов населения и потому ориентированный на доступность и ясность, памятник написан на понятном народу языке.

Список литературы

1. Запись астрономических явлений... [КП 12 530] Библиотека редкой книги при историко-архитектурном музее-заповеднике г. Тобольска.

ЭПИТЕТЫ С СЕМАНТИКОЙ ЗОЛОТОГО ЦВЕТА В ЛИРИКЕ П.П. ЕРШОВА

Михальская В.М.

Тобольский педагогический институт им. Д.И. Менделеева,
филиал Тюменского университета, Тобольск,
e-mail: profi83@mail.ru

В целях усиления выразительности образа П.П. Ершов широко и оригинально использует цве-

топись. Цветовые эпитеты органично входят в ткань стиха, поскольку всегда несут соответствующую смысловую нагрузку.

В центре нашего анализа – сочетание слов, необычные в семантическом плане, что отражает индивидуальность языка писателя. Нами были рассмотрены 53 стихотворения, из которых было извлечено 480 эпитетов в 925 употреблениях. Из них цветовые составили 21 единицу в 74 употреблении, это 11% от общего числа. Из всех цветовых эпитетов лишь 7% являются постоянными, которые используются в устном народном творчестве. Наиболее частотные в поэзии П.П. Ершова группы цветовых эпитетов – с оттенками золотого, синего, белого, красного и черного цвета.

Через всю цветовую гамму ершовской поэзии проходит лейтмотивом *золотой* цвет. Эпитеты со значением золотого цвета самые частотные в поэзии П.П. Ершова (25 употреблений): Туча дальше. Тучны нивы Дышат грудью золотою, Блещут бисером росы («Туча»); Вот залесье: тут светлеет Нива в зелени лугов, Тут под жарким небом зреет Золотая зыбь хлебов («Дорога»); Прелестны жатвы золотые! При ярких солнечных лучах Они волнуются в полях, Как будто волны золотые («Зеленый цвет»).

В данных примерах эпитеты употреблены в третьем производном значении «цвета золота, блестяще желтый», он использует цветовой эпитет «золотой» для описания природы и человека [Ожегов 2003: 233].

В большей степени интересны употребления эпитета золотой при контаминации цветовой и оценочной семантики. Также он использует эпитет «золотой» для описания абстрактных понятий: Сквозь ткани ночи гробовые На недоступных высотах Мелькают искры золотые, – И небо в огненных цветах («Прощание с Петербургом»); С красным солнцем в небо снова Устремит оно полет И в час утра золотого В сладкой песне расцветет («К друзьям»); Вхожу. Разлив и тьмы и света. В каком-то дыме золотом Богини неевского парка Роскошным зыблются венком («Музыка»); Вдруг, по взмаху чародея Светлых звуков легкой рой. Золотые искры сея, Хлынул звонкою волной, – То свернутся мягкой дымкой, То рассыплются в лучах, То промчатся невидимкой На зефирowych крылах («Музыка»); О светлый праздник наслажденья! Зерно мечтаний золотых! Мне не изгладить впечатленья Небесных прелестей твоих («Праздник сердца»); Я счастлив был. Любовь вплела В венок мой нити золотые, И жизнь с поэзией слила («Воспоминание»); Веселитесь, – я мечтаю, – Дважды юность не цветет... Пусть надежда золотая Вас цветами уберет! («Экспромт»); Вот славы здесь венец блестящий, Вот чести пояс золотой, Вот жезл фантазии творящей, Вот яхонт верности святой! («Клад души»); Благодарим за этот час, За этот день очарованья! И долго будет он для нас Златым венцом воспоминанья («30 августа 1849 г.»); И царь светил восходит на восток, Лия пурпурный блеск и пламень по лазури; Сверкает искрами песок; Горит алмазами кудрявая береза, И темный бор златым осветился венцом («Семейство роз»).

Одно из значений слова золотой в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой следующее: «перен. Счастливый, благоприятный» [Ожегов 2004: 233]. Для поэта П.П. Ершова на молодость это счастливая и прекрасная пора его жизни. В данном случае существительное искры представляет собой метонимический перенос с конкретного образа музыки на абстрагированный качественный признак. В словаре С.И. Ожегова «искра – мельчайшая частичка горящего или раскаленного вещества» [Ожегов 2003: 252].

Эпитетом П.П.Ершова свойственна многозначность. Например, тот же эпитет *золотой* в ряде стихов выступает в значении *бесценный*. С.И.Ожегов отмечает такое значение слова *золотой*, как «дорогой, любимый» [Ожегов 2003: 233]. Нередко эпитет «золотой» П.П. Ершов заменяет на равнозначный ему – «русый», «медный», «янтарный». Эти эпитеты поэт ставит в один синонимический ряд: Как во той ли тяжкой доле Русы кудри разовью; Уж как выйду ль в чисто поле Разгулять тоску мою («Русская песня»); «Русый» – «светло-коричневый (о волосах); со светло-коричневыми волосами» [Ожегов 2003: 688]. Шпицы башен блещут в солнце, Будто горы – медны стены Вьются длинною трубой («Туча»); «Медный» – «красновато-жёлтый с блестящим отливом, цвета меди» [Ожегов 2003: 348]. Сок янтарный полной чаши Оживит напевы наши, И под холодом зимы Юг роскошный вспомним мы («Зимний вечер»); «Янтарный» – «прозрачно-жёлтый, цвет янтара» [Ожегов 2003: 918].

Таким образом, эпитеты со значением золотого цвета П.П. Ершов употребляет для описания мечты: золотая зыбь, золотые искры, золотое утро, золотой дым, золотые мечтания, золотые нити, золотая надежда, золотой пояс, золотые волны, златое винцо, златой венец. С мечтами у П.П. Ершова связаны понятия счастья, радости. Исследованный материал свидетельствует о том, что словотворчество П.П. Ершова в области эпитезации было важным, хотя, разумеется, не единственным приемом, с помощью которого создавалась неповторимая выразительность и образность языка его произведений.

«ЗАПИСЬ АСТРОНОМИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ, ПРОИШЕДШИХ В НЕБЕ НАДЬ ГОРОДОМЪ ТОБОЛЬСКОМЪ» КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОК

Мокроусова О.С.

*Тобольский педагогический институт им. Д.И. Менделеева,
филиал Тюменского университета, Тобольск,
e-mail: olesea5335@mail.ru*

Рукописный текст «Записи астрономических явлений...» [КП 12 530], находящийся на хранении в фондах библиотеки редкой книги при историко-архитектурном музее-заповеднике г. Тобольска, представляет собой дневниковые сведения о всех явлениях, происходивших в небе над городом в начале XVIII в.

Название книги не сохранилось, первые листы утеряны, автор не известен. Описываемые явления строго датированы, поэтому нетрудно установить время написания памятника. Текст представлен в рукописном варианте и имеет только один список. Он никем не исследован, тогда как является ценнейшим источником для изучения графики, орфографии, морфологии, синтаксиса, а также различных пластов лексики, а вместе с тем помогает понять процесс становления языковой нормы на отдельной российской территории в период формирования русского языка.

К текстологически значимым особенностям памятника «Запись астрономических явлений...», обусловленным его коммуникативной спецификой, относится достаточно устойчивая структура его абзацев. Будучи памятником старинной письменности, источник имел свои жанровые ограничения и вместе с тем – благодатный простор для передачи живой разговорной речи своего времени по теме, близкой автору-составителю, переписчику и читателю.

Лингвотекстологическая и лингвокультурологическая значимость «Записи...» показательна на примере

анализа астрономической лексики, выявленной методом целенаправленной выборки, а также синтаксиса. Подобных памятников в России очень мало, а вместе с тем рукописные тексты неделового характера, хранящиеся в периферийных архивах, богаты по содержанию и информативности. Они представляют собой своеобразный фрагмент жизни человека, а значит, должны иметь особый интерес как для лингвистов, так и для астрологов, географов, историков, литераторов и всех любителей и ценителей русской культуры. Необходимость исследования этих источников очевидна. Памятник может служить объектом для изучения не только лексических, но и морфологических, синтаксических, текстологических особенностей, он является уникальным хранителем знаний о культуре территории позднего заселения.

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ КОНЦЕПТ

Назмиева Э.А.

*Тобольский педагогический институт им. Д.И. Менделеева,
филиал ТюмГУ, Тобольск, e-mail: linamironenko@mail.ru*

Современный мир характеризуется тенденцией к расширению и углублению международных контактов в различных сферах экономической, общественно-политической, социальной и культурной жизни. В связи с этим особую актуальность приобретает вопрос «язык и культура». Именно лингвокультурология является новой отраслью знания, которая дает понимание закономерностей развития языка как явления культуры, связанного с развитием языкового общества и историей народа – носителей данной лингвокультуры, а также феномена, способствующего пониманию менталитета представителей различных культур. Подобного рода знания необходимы для успешной межкультурной коммуникации.

Одним из базовых понятий лингвокультурологии и одним из центральных единиц изучения в контексте проблемы «Язык – культура» признается концепт [Евсюкова 2014: 81].

Термин концепт до сих пор не имеет единого определения. Исследованием его плодотворно занимаются Н.Д. Артюнова, Л.П. Бабушкин, Е.Ю. Бутенко, А. Вежицкая, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, Г.Г. Слышкин В.Н. Телия, Р.М. Фрумкина и др. Расхождение обусловлено разным видением роли языка в формировании концепта.

В терминах Ю.С. Степанова «концепт – микро-модель культуры, он порождает ее и порождается ею. Являясь «сгустком культуры», концепт обладает экстралингвистической, прагматической, внеязыковой информацией» [Степанов 1997: 40]. Р.М. Фрумкина определяет концепт как вербализованное понятие, отрелефированное в категориях культуры [Фрумкина 2001]. Концепт также рассматривается как «условная ментальная единица, направленная на комплексное изучение языка, сознания и культуры» [Слышкин, 2004: 21].

По словам Е.Ю. Бутенко «Лингвокультурный концепт содержит в себе культурные смыслы, установив которые, можно охарактеризовать соответствующий фрагмент культуры» [Бутенко 2008: 323]. «Концепт – ментальное национально-специфическое образование, планом содержания которого является вся совокупность знаний о данном объекте, а планом выражения – совокупность языковых средств (лексических, фразеологических, паремнологических)» [Маслова 2001].

Отсутствие единого определения связано и с тем, что концепт обладает сложной, многомерной структурой, включающей помимо понятийной основы социо-